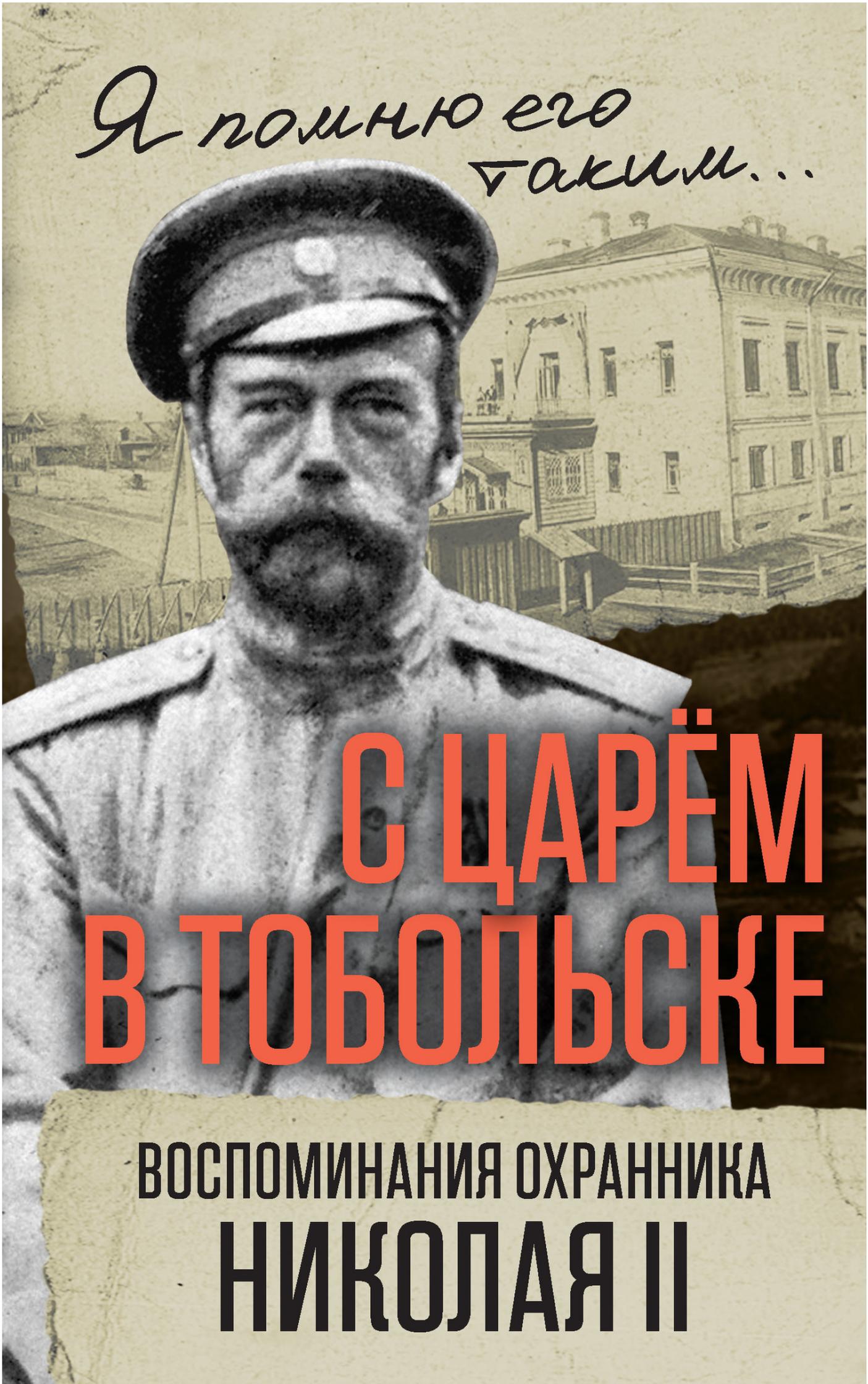

Я помню его
Таким...

С ЦАРЁМ В ТОБОЛЬСКЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ОХРАННИКА
НИКОЛАЯ II

Я помню его таким...

Василий Панкратов
**С царем в Тобольске.
Воспоминания
охранника Николая II**

«Алисторус»

2018

УДК 94(47)"1917/18"
ББК 63.3(2)61

Панкратов В. С.

С царем в Тобольске. Воспоминания охранника Николая II /
В. С. Панкратов — «Алисторус», 2018 — (Я помню его таким...)

ISBN 978-5-906914-67-5

Василий Семенович Панкратов был назначен Временным Правительством комиссаром по охране царя Николая Александровича Романова и его семьи во время нахождения их в г. Тобольске. Время, о котором рассказывается в книге, охватывает период с конца августа 1917 года по январь 1918 года. Записки В. С. Панкратова подробно освещают события тех дней. Издание дополнено письмами и дневниковыми записями.

УДК 94(47)"1917/18"

ББК 63.3(2)61

ISBN 978-5-906914-67-5

© Панкратов В. С., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Предисловие	6
С царем в Тобольске	8
Из воспоминаний	8
Первая встреча с бывшим царем Николаем II	13
Свита и служащие бывшей царской семьи	16
Отряд особого назначения по охране бывшего царя и его семьи	17
Всенощная	18
Отношение населения к бывшему царю	20
Времяпрепровождение	22
Окружающая атмосфера	24
Образование и развитие детей бывшего царя	27
Свитская заботливость	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Василий Панкратов
С царем в Тобольске. Воспоминания
охранника Николая II

© В. Панкратов, 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Предисловие

Увы, сейчас уже мало кто помнит эти имена. Из нынешнего поколения знают Василия Семеновича Панкратова лишь единицы. Между тем в конце прошлого и начале нынешнего века был он заметной фигурой в русском революционном движении.

Восемнадцатилетним юношей, только-только освоив специальность токаря-металлиста на заводе Семянникова в Петербурге, связался В. С. Панкратов с народовольческими кружками и остался верен идее «Народной воли» вплоть до самой своей смерти в 1925 году. На похоронах кто-то из присутствующих сравнил его в надгробной речи с Петром Алексеевым¹. И действительно – оба они рабочие, оба из крестьян, ушедших в город на заработки, обоим царизм жестоко покарал. Петр Алексеев, сказавший на суде свои знаменитые слова: «И тогда поднимется мускулистая рука рабочего класса...» – получил десять лет каторги на Каре. Василий Панкратов был приговорен к двадцати годам одиночного заключения в приснопамятной Шлиссельбургской крепости – при аресте он оказал вооруженное сопротивление, давая возможность скрыться своей спутнице.

В Шлиссельбурге его камера располагалась рядом с той, в которой была заключена Вера Николаевна Фигнер. В ее записках «Когда часы жизни остановились» находим характеристику В. С. Панкратова как человека, и в тюремных условиях оставшегося несломленным. Во многом благодаря его усилиям и требованиям, например, заключенные с определенного момента стали получать книги. Для самого В. С. Панкратова это имело особое значение, поскольку за долгие четырнадцать лет, которые ему пришлось провести в шлиссельбургской одиночке (приговор был в конце концов чуть смягчен), он полностью закончил самообразование и всерьез заинтересовался геологией, сыгравшей в его последующей жизни немалую роль.

Шлиссельбургское заключение окончилось для В. С. Панкратова в 1898 году – последующие годы одиночки ему были заменены ссылкой в далекий Вилюйск, городок, наиболее известный тем, что здесь в семидесятых годах прошлого века отбывал аналогичную ссылку Н. Г. Чернышевский, которого революционное народничество считало своим идейным вдохновителем и наставником. Городок был по тем временам действительно малопримечательный, однако бескрайняя тайга, лежащая вокруг, суровые скалы и тракты Якутии надолго приковали к себе сердце В. С. Панкратова, и «якутская история» имела для него свое продолжение.

В самый канун революции 1905 года В. С. Панкратов получил наконец возможность вернуться в Москву. В древней российской столице кипели страсти. Еще свежи были в памяти людей события Девятого января, когда войска расстреляли безоружную толпу, двигавшуюся «на поклон» к царю в Петербурге. Всероссийская октябрьская политическая стачка, волнения в армии и на флоте побудили правящие круги России выступить с манифестом, в коем царь обязывался «усовершенствовать» порядки в государстве, даровать гражданам основные политические свободы. Появились легальные независимые партии, такие, как, например, кадеты, октябристы, претендующие на народовольческую преемственность, эсеры и др. Человеку, надолго оторванному от политической борьбы, несложно было запутаться в таких обстоятельствах. С В. С. Панкратовым ничего подобного не произошло – он быстро нашел общий язык с новым поколением революционеров. Участвовал в московском вооруженном восстании в декабре 1905 года, а после разгрома восставших скрывался, помогал спастись от расправы ушедшим в подполье товарищам.

И все же революция была разбита. В. С. Панкратов попытался найти себе место в новой и еще не совсем осознанной бывшими политкаторжанами действительности. Пригодились, как ни странно, знания геологии, с таким трудом освоенные в шлиссельбургской одиночке.

¹ Петр Алексеевич Алексеев (1849–1891 гг.) – один из первых российских рабочих-революционеров, ткач.

В. С. Панкратов, не особенно стремившийся задержаться в Москве, где о его революционных деяниях многим было известно, уехал обратно в Сибирь с первой подвернувшейся под руку научной экспедицией. Впрочем, для ее руководителей человек, хорошо знакомый со специальностью, да еще и получивший немалый опыт жизни в Якутии, был сушим кладом.

С геологическим молотком и рюкзаком за плечами, в пушистой местной кухлянке² он исходил всю Якутию – понятно, более или менее освоенную ее часть. Исследовал Алдано-Нельканский тракт, Вилюйскую низменность и одноименное плато. Это была новая для него работа – труд ученого, и он, казалось, целиком отдался ему на целых пять лет. И когда верилось, что найдена уже последняя в жизни, окончательная стезя, грянула в стране революция 1917 года.

В. С. Панкратов вернулся «в Россию» – так тогда говорили сибиряки, уезжавшие на запад. О том, чем он был занят в Петербурге в первые месяцы после февральских событий, рассказано в самом начале предлагаемых читателю воспоминаний. Ну а потом это удивительное путешествие в Тобольск... Ясно, что выбор тогда пал именно на него потому, что снова требовался человек, по личному опыту знакомый с Сибирью, но при этом и безусловно честный, и умеющий взять на себя решение тех или иных непростых вопросов, и обладавший непререкаемым авторитетом среди очень пестрых по составу русских революционных слоев. В. С. Панкратов обладал для выполнения задачи всеми необходимыми качествами.

А то, что положение петербургской колонии в Тобольске было сложным, явственно чувствуется с первых страниц записок В. С. Панкратова.

Ни в коем случае не пытаюсь «рецензировать» написанное много лет назад, отметим все же редкостную достоверность воспоминаний В. С. Панкратова. Казалось бы, почти невозможно сохранить спокойный повествовательный тон человеку, описывающему быт людей, по прямой вине которых он вынес столько страданий. Но старый «шлиссельбуржец» ни разу не опускается до упрека, пусть самого невинного. Вероятно, поэтому воспоминания его и кажутся столь достоверными.

Естественно, как всякий человек (а В. С. Панкратов был личностью далеко неординарной), он субъективен в изображении некоторых деталей жизни бывшей царской семьи. Но он стремился запечатлеть все, что связано с теми днями, по возможности точно, и только благодаря его пристальному взгляду мы получили сегодня столь полную картину тобольской ссылки Николая II и событий, предшествовавших его смерти.

Воспоминания В. С. Панкратова были обработаны и опубликованы им в кооперативном издательском товариществе «Былое» (Ленинград) в начале двадцатых годов и с тех пор больше не печатались. Думается, что современному читателю, особенно молодому и не очень хорошо разбирающемуся в обстановке первых послереволюционных месяцев, будет весьма полезно познакомиться с впечатлениями очевидца, причем такого, которого никак не заподозришь в предвзятости. Вот почему мы предлагаем читательскому вниманию этот уникальный человеческий документ революционной эпохи.

² Верхняя меховая одежда народов Севера в виде рубахи мехом наружу.

С царем в Тобольске

Из воспоминаний

В начале августа 1917 года Временное правительство предложило мне отправиться в город Тобольск в качестве комиссара по охране бывшего царя Николая II и его семьи. Сначала я отказался, потому что мне не хотелось расставаться с любимым, только что начатым делом по культурно-просветительной части в Петроградском гарнизоне. Работа только что начала налаживаться, удалось подобрать добросовестных и опытных соратников из петроградских педагогов и старых народовольцев. Лекции, собеседования в Финляндском полку по естественной истории, доклады в Литовском и других производили оздоровляющее действие на солдат. Мне же эта работа доставляла истинное наслаждение и убеждала меня в том, что только так и можно поднимать развитие солдат. Повторяю, тяжело было отрываться от такой работы и менять ее на комиссарство в Тобольске. Кроме того, я не был уверен, что справлюсь с этой последней задачей, так как ни офицеры, ни солдаты отряда абсолютно не были мне знакомы. Я ехал, как говорится, в темный лес.

Через несколько дней мне снова повторили предложение ехать в Тобольск.

– Больше послать некого, – заявил помощник начальника Петроградского военного округа Кузьмин.

– Мое мнение, – прибавил начальник округа, – вы обязаны ехать, это общее мнение...

Бабушка Брешко-Брешковская тоже настаивала на моей поездке.

Вид на Тобольск с севера, с колокольни Преображенской церкви. Из коллекции С. М. Прокудина-Горского. 1912 г.

– Тебе необходимо ехать, – говорила она. – Кому же больше? Ты сам много испытал и сумеешь выполнить задачу с достоинством и благородно. Это – обязанность перед всей страной, перед Учредительным собранием.

– Еду, как в темный лес: ни отряд, ни офицеры – никто меня не знает, и я их – тоже.

– У тебя своя голова на плечах, свой разум. Надо только помнить всегда, что ты человек, и они – люди, – возражала бабушка. – Поезжай, и больше ничего. Другого не нашли. Все остановились на тебе.

Через несколько дней мне пришлось беседовать и с А. Ф. Керенским, который тоже смотрел так. Но подробно поговорить с ним не удалось: всякий раз, когда я являлся к нему, его буквально каждую минуту отрывали то по делам фронта, то с докладами из разных министерств.

Только при этих свиданиях я убедился, что Керенский слишком завален работой, что он не сумел или ему не удалось окружить себя достаточным числом деловых людей, настоящими работниками. Его отрывали по весьма несложным делам, которые могли бы решить и сами секретари...

После Московского совещания, когда я дал свое согласие ехать в Тобольск и явился к Керенскому, чтобы получить все необходимые бумаги и инструкции, он вдруг задал мне вопрос:

– Вы еще не уехали?

– Как же мне ехать, когда ни бумаг, ни инструкций мне не выдали? – возразил я.

Он удивился, сказав:

– Их вам выдадут. Уезжайте немедленно. Я сделаю сейчас распоряжение. Зайдите к секретарю сейчас же. Обо всем остальном получите сведения от Макарова и поезжайте, пожалуйста, скорей поезжайте.

Временное правительство, точнее, А. Ф. Керенский торопил меня особенно настойчиво, когда Макаров и Вершинин, сопровождавшие семью бывшего царя в Тобольск, прибыли в Петроград, не дождавшись себе заместителей. К полковнику же Е. С. Кобылинскому, начальнику отряда особого назначения, было двойное отношение: с одной стороны, ему доверяли и полагались на него, с другой – открыто высказывали сомнения под влиянием различных, часто ни на чем не основанных наветов завистников и мелкотщеславных карьеристов-офицеров. Кроме того, Омский Совдеп внушал Временному правительству некоторые опасения. Торопить-то меня торопили, а о документах забыли. Наконец было вручено мне удостоверение и инструкция, которую я и привожу целиком.

Копия.

«Временное Правительство. Г. Петроград.

21 августа 1917 г.

Инструкция комиссару по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, его супруги и его семейства, находящихся в г. Тобольске, Василию Семеновичу Панкратову.

1. Комиссар по охране бывшего царя и прочих членов его семьи является полномочным представителем Временного Правительства во всем том, что относится к его компетенции.

2. Комиссар имеет право устанавливать порядок охраны бывшего царя и его семейства, поскольку это допускается инструкцией, данной по сему предмету Временным Правительством.

3. Комиссар имеет право делать указания лицам, которым вверена охрана бывшего царя и его семейства, по поводу порядка охраны, ставить им на вид отступления от установленного порядка и, в случае серьезного нарушения ими правил охранения, устранять их от исполнения обязанностей по охране, донося о том немедленно Временному Правительству в лице министра председателя.

4. В случае нарушения чинами воинского караула своих обязанностей, комиссар извещает об этом коменданта помещений, занятых бывшей царской семьей, на предмет принятия мер к недопущению в дальнейшем нарушений правил караульной службы. Если комиссар получит сообщение по поводу нарушения чинами воинской гарнизонной службы по караулу гор. Тобольска, он сообщает об этом соответствующему начальству чинов караула на тот же предмет.

5. Комиссар имеет право проверки караулов как помещений, занятых царем и его семейством, так и в г. Тобольске. Обо всех серьезных нарушениях караульной службы, в случае их повторения, он немедленно доносит Временному Правительству в лице министра председателя и сообщает командующему войсками Омского военного округа.

6. Комиссару принадлежит право удалять из помещений, занятых бывшей царской семьей, лиц свиты и прислуги, находящихся в настоящее время в этих помещениях.

7. Право просмотра переписки, адресованной членам бывшей царской семьи, а также и отправляемой ими, принадлежит исключительно комиссару. Задержанная переписка направляется им министру председателю.

8. Комиссар по соглашению с местными властями устанавливает порядок надзора и регистрацию лиц, прибывающих в гор. Тобольск и отъезжающих.

9. Комиссар два раза в неделю телеграммами посылает министру председателю срочные донесения, а также извещает о всех экстренных обстоятельствах.

10. Всем гражданским и воинским властям надлежит оказывать комиссару всяческое содействие, а комиссару в экстренных случаях предлагается принимать все меры, кои он найдет нужными.

11. Один экземпляр этой инструкции находится у министра председателя, а другой выдается под расписку комиссару.

Министр председатель (подпись Керенского)».

Второй документ, врученный мне Временным правительством, следующий:

«Временное Правительство.

Г. Петроград. № 3019. 21 августа 1917 года.

Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего Василий Семенович Панкратов 21 августа 1917 года назначен Временным Правительством комиссаром по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, находящегося в г. Тобольске, и его семейства.

Министр председатель (подпись Керенского).

Печать Временного Правительства».

Перед отъездом ко мне зашел генерал Васильковский, командовавший Петроградским военным округом.

– Вам необходимо взять с собою автомобиль, – сказал он мне.

Я этого не могу сделать, – ответил я.

– Ваше положение обязывает это сделать, – настаивал он.

Я отказывался категорически, объясняя тем, что это безумный расход, совершенно ненужный.

Тогда возьмите карету и пару лошадей.

Я и от этого отказался. Так мы и расстались.

23 августа, взяв с собой помощника и одного солдата, я выехал из Петрограда. Подъезжая к Тюмени, я из газет узнал об инциденте с генералом Корниловым. На станциях на всевозможные лады толковали это событие. Не имея проверенных сведений, я в разговорах со своим помощником воздерживался от категорических суждений, тем более что генерал Корнилов мне не был известен ни с какой стороны, а отношения его к Керенскому мне казались тогда хорошими. Во всяком случае, история с Корниловым вызвала повсюду какую-то особую тревогу и напряжение. В город Тобольск мы прибыли 1 сентября 1917 года. Пребывание там бывшего царя с семьей вызвало усиленный караул на пристанях, и ко всем приезжающим относились с большой подозрительностью. Караульные местного гарнизона строго просматривали документы, и при малейшем сомнении пассажиры отправлялись в милицию для выяснения личности. Так как я не показал всех своих документов, то и меня постигла судьба отправиться с милиционером в милицию. Но туда я отказался ехать, заявив, что мне надо сначала явиться к начальнику отряда по охране бывшего царя. Милиционер исполнил мое требование и заехал со мною в дом Корнилова, где проживал начальник отряда полковник Кобылинский, уже предупрежденный о моем приезде телеграммой.

Встреча с Кобылинским произвела на меня очень хорошее впечатление. Я передал ему пакет от Керенского и предъявил свои документы.

– Мы давно ждем вас, – сказал он. – А вы можете нас оставить, – прибавил он, обращаясь к милиционеру.

– На пароходе у меня остались вещи и ждут два спутника, – заявил я.

– Мы сейчас посмотрим, куда вас поместить, потом отправимся на пароход. Здесь с помещением имеются затруднения.

Он показал мне две комнаты: одну для меня и другую для помощника. Мы поехали снова на пристань за вещами и моими спутниками. Караул из местного гарнизона снова потребовал у меня документы, в ответ на это требование полковник Кобылинский предъявил свои документы, и все разговоры сразу прекратились.

Наконец я и мои помощники водворились в доме Корнилова, как раз напротив губернаторского дома, где проживала семья бывшего царя. В мое распоряжение были предоставлены две небольшие комнаты: одна для меня лично, другая для канцелярии.

Первая встреча с бывшим царем Николаем II

2 сентября я отправился в губернаторский дом. Не желая нарушать приличия, я заявил камердинеру бывшего царя, чтобы он сообщил о моем прибытии и что я желаю видеть бывшего царя. Камердинер немедленно исполнил поручение, отворив дверь кабинета бывшего царя.

– Здравствуйте, сказал Николай Александрович, протягивая мне руку. – Благополучно доехали?

– Благодарю вас, хорошо, – ответил я, протягивая свою руку.

– Как здоровье Александра Федоровича Керенского? – спросил бывший царь.

В этом вопросе звучала какая-то неподдельная искренность, соединенная с симпатией, и даже признательность. Я коротко ответил и спросил о здоровье бывшего царя и всей его семьи.

– Ничего, слава богу, – ответил он, улыбаясь.

Надо заметить, что бывший царь во все время нашей беседы улыбался.

– Как вы устроились и расположились?

– Недурно, хотя и есть некоторые неудобства, но все-таки недурно, – ответил бывший царь. – Почему нас не пускают в церковь, на прогулку по городу? Неужели боятся, что я убегу? Я никогда не оставлю свою семью.

– Я полагаю, что такая попытка только ухудшила бы ваше положение и положение вашей семьи, – ответил я. – В церковь водить вас будет возможно. На это у меня имеется разрешение, что же касается гулянья по городу, то пока это вряд ли возможно.

– Почему? – спросил Николай Александрович.

– Для этого у меня нет полномочия, а впоследствии будет видно. Надо выяснить окружающие условия.

Бывший царь выразил недоумение. Он не понял, что я разумею под окружающими условиями. Он понял их в смысле изоляции – и только.

– Не можете ли вы разрешить мне пилить дрова? – вдруг заявил он. – Я люблю такую работу.

– Быть может, желаете столярную мастерскую иметь? Эта работа интереснее, – предложил я.

– Нет, такой работы я не люблю, прикажите лучше привезти к нам на двор лесу и дать пилу, – возразил Николай Александрович.

– Завтра же все это будет сделано.

– Могу ли я переписываться с родными?

– Конечно. Имеются ли у вас книги?

– Даже много, но почему-то иностранные журналы мы не получаем – разве это запрещено нам?

– Это, вероятно, по вине почты. Я наведу справки. Во всяком случае, ваши газеты и журналы не будут задерживаться. Я желал бы познакомиться с вашей семьей, – заявил я.

– Пожалуйста; извиняюсь, я сейчас, – ответил бывший царь, выходя из кабинета, оставив меня одного на несколько минут.

Кабинет бывшего царя представлял собой прилично обставленную комнату, устланную ковром; два стола: один – письменный, с книгами и бумагами, другой простой, на котором лежало с десятков карманных часов и различных размеров трубки; по стенам – несколько картин, на окнах – портьеры.

«Каково-то самочувствие бывшего самодержца, властелина громаднейшего государства, неограниченного царя, в этой новой обстановке?» – невольно подумал я. При встрече он так хорошо владел собою, как будто бы эта новая обстановка не чувствовалась им остро, не представлялась сопряженной с громадными лишениями и ограничениями. Да, судьба людей –

загадка. Но кто виноват в переменах ее?.. Мысли бессвязно сменялись одна другою и настраивали меня на какой-то особый лад, вероятно, как и всякого, кому приходилось быть в совершенно новой для него роли.

– Пожалуйте, господин комиссар, – сказал снова появившийся Николай Александрович.

Вхожу в большой зал и к ужасу своему вижу такую картину: вся семья бывшего царя выстроилась в стройную шеренгу, руки по швам; ближе всего к входу в зал стояла Александра Федоровна, рядом с нею Алексей, затем княжны.

Николай II и Алексей Николаевич в ссылке в Тобольске. Фотография великой княгини Марии Николаевны. Зима 1917–1918 гг.

«Все-таки много на воздухе, и это им полезно всем, и физическая работа для Государя необходима, с детства к этому привык. С покойным Отцом вместе лес пилили и рубили, так Он и теперь со своими людьми делает»
(Из письма Александры Федоровны, 4 июня 1917 г., Царское Село)

«Что это? Демонстрация? – мелькнуло у меня в голове и на мгновение привело в смущение. – Ведь так выстраивают содержащихся в тюрьме при обходе начальства». Но я тотчас же отогнал эту мысль и стал здороваться.

Бывшая царица и ее дети кратко отвечали на мое приветствие и все вопросы. Александра Федоровна произносила русские слова с сильным акцентом, и было заметно, что русский язык на практике ей плохо давался. Все же дети отлично говорили по-русски.

– Как ваше здоровье, Алексей Николаевич? – обратился я к бывшему наследнику.

– Хорошо, благодарю вас.

– Вы в Сибири еще никогда не бывали? – обратился я к дочерям бывшего царя и получил отрицательный ответ.

– Не так она страшна, как многие о ней рассказывают. Климат здесь хороший, погода чудесная, – вмешался Николай Александрович, – почти все время стоят солнечные дни.

– Чего недостает Петербургу.

– Да, климат Петербурга мог бы позавидовать тобольскому, – добавил бывший царь. – Не будет ли зимою здесь холодно жить? Зал большой.

– Надо постараться, чтобы этого не было. Придется все печи осмотреть, исправить. А топлива здесь достаточно, – ответил я. – Других подходящих помещений в городе нет.

– Имеются ли у вас книги? – спросил я княжон.

– Мы привезли свою библиотеку, – ответила одна из них.

– Если у вас будут какие-либо заявления, прошу обращаться ко мне, – сказал я уходя.

Тем и кончилась моя первая встреча с семьей бывшего царя.

Не знаю, какое впечатление произвел я на них, но что касается меня, то первое впечатление, которое я вынес, было таково, что живи эта семья в другой обстановке, а не в дворцовой, с бесконечными церемониями и этикетами, притупляющими разум и сковывающими все здоровое и свободное, из них могли бы выйти люди совсем иные, кроме, конечно, Александры Федоровны. Последняя произвела на меня впечатление совершенно особое. В ней сразу почувствовал я что-то чуждое русской женщине.

Свита и служащие бывшей царской семьи

При отправке Николая II с семьей из Царского Села Керенский предоставил ему выбрать свиту и служащих. Не обошлось без инцидента. Как известно, при наследнике Алексее состоял дядька, матрос Деревенко, полуграмотный, но хитрый хохол, который пользовался большим доверием Александры Федоровны. Пред самым отъездом он подал счет расходов (полковнику Кобылинскому). В счете оказалось, что сын Николая II за июль 1917 года износил сапог более чем на 700 рублей. Полковник Кобылинский возмутился и заявил матросу Деревенко, что в Тобольск его не допустят! Обиженный матрос пожаловался Александре Федоровне, которая немедленно попросила Кобылинского прийти и объясниться.

– С первых же шагов нарушается обещание Керенского – право выбора преданных нам людей, – заявила она Кобылинскому.

– Вы считаете матроса преданным и бескорыстным? – спросил Кобылинский.

Александра Федоровна подтвердила это. Тогда Кобылинский предъявил ей счет, представленный преданным матросом. Бывший царь и Александра Федоровна были смущены, но не удовлетворились таким мотивом.

Так преданный дядька Алексея и остался в Петрограде.

Несмотря на это, он неоднократно обращался ко мне с письменными запросами: когда же он будет вызван в Тобольск для продолжения служебных обязанностей при «наследнике».

Из светского мужского персонала с бывшим царем поехали в Тобольск: граф Татищев, князь Долгоруков, доктор Боткин, который лечил Александру Федоровну, доктор Деревенко, лечивший Алексея и считавшийся врачом отряда особого назначения, француз Жильяр и англичанин Гиббс (последний прибыл в Тобольск гораздо позже).

Из свиты женского персонала: графиня Гендрикова, Шнейдер и четыре фрейлины. Что касается служащих, то их было более чем достаточно, более сорока человек.

Это была дворцовая прислуга разных рангов и профессий, начиная с камердинера Николая II и кончая поваренком. Такая многочисленность меня сразу поразила: многие из них являлись совершенно излишними пансионерами, только увеличивающими расходы. Правда, содержались они на личные средства бывшей царской семьи, тем не менее все же это было ненужной расточительностью и, кроме того, найти для них помещение в том же доме не представлялось никакой возможности, а проживание на вольных квартирах инструкцией, данной мне Временным правительством, совершенно воспрещалось. Но хорошо было составлять инструкцию в Петрограде, не зная местных условий. С несостоятельностью данных мне инструкций я столкнулся при первом же знакомстве с последними и тотчас же сообщил об этом Керенскому. Часть прислуги пришлось разместить на вольных квартирах. Свита тоже была поселена в другом доме, против дома губернатора. В этом же доме поселился полковник Кобылинский, я с помощником и один из офицеров.

Отряд особого назначения по охране бывшего царя и его семьи

При отъезде мне было сообщено, что этот отряд под начальством полковника Кобылинского был составлен из отборных солдат трех гвардейских стрелковых полков: 1, 2 и 4-го в числе 337 человек с 7 офицерами.

В первый же день своего приезда в Тобольск я предложил полковнику Кобылинскому созвать весь отряд, чтобы ознакомиться с ним и ознакомить его с инструкцией.

– На нас возложено ответственное дело пред родиной до созыва Учредительного собрания, которое решит дальнейшую судьбу бывшего царя, вести себя с достоинством, не допуская никаких обид и грубостей с бывшей царской семьей. Всякая бестактность с нашей стороны только легла бы позором на нас же. Грубость с безоружными пленниками не достойна нас. Поэтому я призываю всех держаться этого правила, – сказал я в конце своей речи. – За всякий свой поступок мы должны будем дать отчет. Нам не дано право быть судьями вверенного нам бывшего царя и его семьи.

Отряд вполне оценил мое заявление и доказал это тем, что за все пять месяцев моего комиссарства ни разу не проявил себя хамом. Поведение отряда было почти рыцарским.

Большинство солдат отряда произвело на меня отрядное впечатление своей внутренней дисциплиной и военным видом – опрятностью. За исключением немногих наш отряд состоял из настоящих бойцов, пробывших по два года на позициях под огнем немцев, очень многие имели по два золотых Георгиевских креста. Это были настоящие боевые, а не тыловые гвардейцы, высокие, красивые и дисциплинированные. И я почувствовал тяжелую ответственность и обязанность помочь им сохраниться. Для этого необходимо было создать более или менее здоровую обстановку, занять их работой и просвещением. Обстановка была далеко не совершенная: казармы плохо оборудованы и не приспособлены. Требовался основательный ремонт. Работу в навигационное время наши гвардейцы находили на пристанях, где парходчики охотно предоставляли им выгрузку и погрузку барж и пароходов. В свободное от караула время часть отряда работала на пристанях. В зимнее время на такую работу рассчитывать нельзя. Я решил устроить школу для неграмотных и малограмотных солдат, лекции и доклады для всех, полагая, что этим удастся занять отряд разумным и полезным делом. В этом отношении мне согласились помогать три офицера.

Всю же работу по охране мы поделили с полковником Кобылинским таким образом: он взял на себя хозяйственную и финансовую часть, а я остальную. Кстати, должен заметить, что все те «мнения и отзывы» о Кобылинском, которые мне пришлось слышать в Петрограде, к моему величайшему удовольствию, совершенно не оправдались.

Военные круги относились к нему отрицательно. Но я нашел в нем лучшего, благородного, добросовестного сотрудника. Евгений Степанович Кобылинский – гвардейский офицер. Принимая участие в войне с немцами, в одном из боев он был жестоко ранен и лишь благодаря умелому лечению остался жив. Ни к каким политическим партиям он никогда не принадлежал и не стремился примыкать, он просто был человек в лучшем смысле этого слова. Благородный и честный по природе, воспитанный и развитой, он всюду проявлял такт и достоинство с людьми; трудолюбивый и бескорыстный, он завоевывал к себе доверие и уважение. Я быстро сблизился с ним и от души полюбил его. Взаимные наши отношения с ним установились самые искренние.

Всенощная

На воле мне много приходилось слышать о том, что семья Николая II очень религиозна, что этим и объяснялось то влияние, какое имел Григорий Распутин на царскую семью. Но религиозность слишком различно понимается людьми, и в данном случае судить об этом более чем трудно. Эта духовно-нравственная потребность царственных пленников сначала удовлетворялась тем, что богослужение совершалось в зале губернаторского дома, то есть в том же доме, где жила семья бывшего царя. И в ближайшую субботу мне первый раз пришлось присутствовать на всенощной.

Всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению брала на себя Александра Федоровна. В зале она устанавливала икону Спасителя, покрывала аналой, украшала их своим шитьем и пр. В 8 часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Ивановского монастыря. В зал собиралась свита, располагаясь по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший царь с семьей выходил из боковой двери, то и они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Федоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналая зажигались свечи. Начиналось богослужение. Вся семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, на меня вся эта обстановка произвела сильное первое впечатление. Священник в ризе, черные монашки, мерцающие свечи, жидкий хор, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. Вереница мыслей сменялась одна другою...

«О чем молится, о чем просит эта бывшая царственная семья? Что она чувствует?» – спрашивал я себя.

Монашки запели: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...». Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится, за нею падают на колени и все остальные. В то время мне казалось, что вся семья бывшего царя искренно отдается религиозному чувству и настроению.

Служба кончается. Начинается обряд миропомазания. Священник обращается лицом к бывшей царской семье. К нему первый подходит Николай II, затем Александра Федоровна, наследник, дочери и далее свита и служащие в порядке рангов. И затем зала пустеет.

Ко мне подходит князь Долгоруков.

– Господин комиссар, когда же будет разрешено сходить в церковь? Николай Александрович и Александра Федоровна просили меня узнать, – обратился он ко мне.

– Как только будет все приготовлено. У меня нет ни малейшего намерения лишать их посещения церкви, – ответил я.

– Какие же нужны приготовления?

– Устраняющие всякие неприятности и недоразумения.

– Не понимаю, – огорченно отвечает князь.

– Не думайте, что меня беспокоят неприятности, только касающиеся меня лично; возможны неприятности другого порядка, которых я не могу допустить, – пояснил я князю. Но он опять не понял меня.

Дело заключалось в том, что я не столько опасался попыток побега или чего-либо в этом роде, я старался предотвратить возможность выпадов со стороны отдельных тоболяков, которые уже успели адресовать на имя Александры Федоровны, Николая и даже его дочерей самые нецензурные анонимные письма, мною задержанные. Вся корреспонденция к бывшей царской семье проходила через мои руки.

А что, как кому-либо из авторов подобных писем придет в голову во время прохода в церковь выкинуть какую-либо штуку? Бросить камнем, выкрикнуть нецензурную похабщину и т. п. Пришлось бы так или иначе реагировать. Лучше заблаговременно устранить возможность подобных историй.

И мы с Кобылинским старались принять все меры против такой возможности.

Хотя Благовещенская церковь находилась всего в нескольких сотнях саженей от дома, где жил Николай II, но, не устранив некоторых неудобств в указанном смысле, мы не могли удовлетворить просьбы. Впрочем, через неделю уже все было сделано.

Дом губернатора, в котором отбывал ссылку Николай II с семьей. 1920 г.

«Первые полтора месяца жизни в Тобольске до приезда в конце сентября комиссара Панкратова, сменившего Макарова, были самым спокойным временем заключения Царской Семьи»

(«Письма Святых Царственных Мучеников из заточения», 1998 г.)

Отношение населения к бывшему царю

В прессе распространились слухи о том, что пред домом губернатора происходят «патриотические» демонстрации громадных толп, что к этому дому совершаются паломничества и т. д. Все эти слухи с начала до конца оказались ложными. Никогда никаких патриотических демонстраций и паломничества не было и быть не могло. Быть может, они и имели бы место, если бы не пресловутый Григорий Распутин, который еще в 1915 году своим поведением и циничным хвастовством о близости к царской семье не дискредитировал эту семью. Этот беспардонный проходимец в последнюю свою поездку в Тобольск вел себя так бесстыдно, так безобразно, что снял последние остатки ореола с царской семьи. Он здесь непрерывно пьянствовал, по пьяному делу приставал к женщинам с грязными предложениями, потребовал, чтобы одного из квартальных надзирателей, почему-то понравившегося ему, произвели в священники. Благодаря Распутину был произведен в епископы пресловутый Варнава, хорошо известный тоболякам с отрицательных сторон. «Доспел тебя епископом», – когда-то писал ему Распутин.

За время моего пребывания в Тобольске мне столько приходилось слышать о грязных проделках Распутина, что я не решаюсь им верить. Кто-кто, а Распутин окончательно уронил в глазах тоболяков (да и одних ли их?..) престиж царской семьи, якобы для укрепления авторитета которой его так долго держали при дворе и облакали всемогуществом. Приведу один из характерных рассказов одной из благочестивых и преданных монархисток.

Однажды является ко мне старушка тоболячка, особа интеллигентная, набожная.

– Чем могу служить? – спрашиваю я ее.

– Я к вам, господин комиссар, с покорнейшей просьбой, отвечает она.

– Пожалуйста.

– Я пришла просить вас дать мне свидание с царем. Я имею ему сообщить очень важное...

– Этого я допустить не могу, и вы напрасно пришли.

– Почему? Вы, быть может, подозреваете что-нибудь такое... Я только для души, настаивала старушка.

– Напрасно вы просите: никаких ни с кем свиданий не полагается, – возражаю я ей. – Если же что-нибудь вы желаете сделать для души Николая Александровича, то сообщите мне, я передам, если это окажется нужным.

Старушка произвела на меня впечатление очень религиозного человека. Она все время искренно повторяла фразу: «Царица небесная, какой грех, какое затмение рассудка! И кто же это сделал? Кто мог бы думать, что это он!». Слово «он» она произносила с какой-то особой интонацией и даже религиозным страхом.

– Нет, господин комиссар, только я сама могу это передать; вам могут и не поверить. Я сама верила в него...

– В кого? – спросил я, догадываясь, что дело идет о Распутине.

Но старушка долго не соглашалась открыть тайны; наконец, когда я заявил ей, что должен уйти и что никоим образом не могу удовлетворить ее просьбы, она не устояла – и вот что хотела она поведать бывшему царю.

– Какой грех, я сама верила в него, святым считала...

Слушать никого не хотела, когда мне говорили о нем худое: думала, как можно, чтобы царь-батюшка приблизил к себе дурного человека, да еще мужика. Григорий-то Ефимыч – наш, тобольский, из Покровского села. Моему ли уму противиться, когда сам царь с царицей его слушали. Так верила, так верила. Прости меня, царица небесная. А вот, когда этот грех-то случился, привезли сюда их, то и меня сомнение взяло. Покаюсь... поздно... Если б раньше – бог спас бы их. Я бы тогда добилась к царю... все бы ему рассказала о Григории... Грех меня

попутал. Пошла это я раз в собор к обедне. Служил тогда преосвященный Варнава. Встала эго я вперед и молюсь, а в голову-то лезут все эти нехорошие рассказы о нем. Отворились царские врата, выходит Варнава, а за ним, смотрю, голова его, Григория, с рогами самый настоящий он, точь-в-точь и рожища... Тут я упала без памяти. Не знаю, сколько минут... Потом очнулась. Страшно мне стало. Царица небесная, прости мне грешной. Тут мне все открылось. И Варнава, значит, такой же был. Какой грех! Вот я это и хотела сказать царю. Говорят, Григорий-то жив...

– Это вздор, – перебил я ее, – его убили его же друзья, с которыми он обдeldывал свои нечистые делишки. И им он опротивел.

– Так вы мне и не разрешите повидаться с царем? Очень важно, очень важно открыть глаза царю.

– Теперь уж поздно. Он сам знает... И напоминать ему об этом нехорошо, – отказал я категорически доверчивой старушке, которая кроме этого рассказала мне еще немало о непристойном поведении Григория в Тобольске.

– Ко всякой девке приставал. Напьется пьяный, бывало, и лезет да хвастается. Ой, грехи наши тяжкие... Прости, царица небесная. А мы-то точно в слепоте были...

– Мне надо уходить по делам, – заявил я старушке.

– Прощайте, прощайте. Жаль, не разрешаете... Я бы ему все рассказала.

По этому рассказу искренно верующего старого человека можно судить, какое паломничество мог подготовить грязный временщик и пройдоха. Никакие прокламации, никакие листовки революционных партий не могли так дискредитировать семью бывшего царя, как этот придворный любимец и все те, кто, пользуясь его покровительством, добивались высокого положения, закрывая глаза на все гнусности Распутина.

Повторяю, что никакого паломничества со стороны тоболяков с коленопреклонениями и без оных никогда не происходило. Все, что можно было заметить и наблюдать, так это простое любопытство, и то в ближайшие месяцы, и вздохи сожаления, нередко с нелестным упоминанием «Гришки Распутина».

Времяпрепровождение

До наступления холодов любопытство тоболяков находило себе удовлетворение в том, что они могли видеть бывшую царскую семью на балконе. Обыкновенно в ясные дни вся семья, чаще после обеда, выходила на балкон, откуда открывался вид на городской сад, на нагорную часть города и вдоль улицы Свободы. Проходящие по улице вначале с большим любопытством засматривались на семью Николая Александровича. Вполне понятное и естественное любопытство. Больше всего обывательниц поражала прическа княжон: почему это они подстрижены, как мальчики?.. Александра Федоровна чаще всего выходила на балкон с вязаньем или шитьем. Усевшись в кресле, она принималась за работу. Она лишь временами любовалась видом города, которого никогда бы не увидела, если бы не «судьба». Реже всех появлялся на балконе Николай Александрович. С того дня, как только были привезены кругляки и дана поперечная пила, он большую часть дня проводил за распилкой кругляков на дрова. Это было одно из любимых его времяпрепровождений. Приходилось поражаться его физической выносливости и даже силе. Обыкновенными его помощниками в этой работе были княжны, Алексей, граф Татищев, князь Долгоруков, но все они быстро уставали и сменялись один за другим, тогда как Николай II продолжал действовать. То же самое наблюдалось и во время игры в городки: все быстро уставало, тогда как он оставался неутомимым. Вообще физически бывший царь был очень здоров, любил движение. Иногда он целыми часами ходил по двору один или в сопровождении своих дочерей.

В этом отношении Александра Федоровна представляла ему полную противоположность. Она проявляла весьма малую подвижность. В смысле общительности также замечалась значительная разница между нею и Николаем II. Дети гуляли чаще с отцом, чем с нею. Замкнутость Александры Федоровны и склонность к уединению бросались в глаза. Быть может, это объяснялось тем, что она вообще острее переживала положение и новую обстановку, но, во всяком случае, насколько мне удалось заметить, и по своей натуре она представляла полную противоположность Николаю II. Она сохранила в себе все качества германки – и германки с манерой величия и превосходства. Все ее движения, ее отношение к окружающим проявлялись на каждом шагу. В то время, когда Николай II охотно, просто и непринужденно разговаривал с каждым из служащих, в отношениях Александры Федоровны замечалась черствость и высокомерие. В игре в городки и в пилке кругляков она никогда не принимала участия. Иногда лишь она интересовалась курами и утками, которых завел повар на заднем дворе-садишке. Здесь она чувствовала себя как-то свободнее. Здесь не раз заговаривал я с ней, но темами всегда были куры и утки. По вечерам бывшая царская семья собиралась в зале, куда приходили доктор Боткин, Долгоруков, Татищев и Гендрикова со Шнейдер, и проводили время в разговорах. Иногда кто-либо читал вслух. Но это чтение не всегда удавалось, ибо слушателям надоедало молчать, и они затевали разговор, а некоторые даже засыпали под звуки монотонного чтения.

– Мы часто, господин комиссар, вечерами поднимаем вопрос о прогулке по городу и даже за город, – говорил мне доктор Боткин, рассказывая о том, как проводятся длинные вечера в доме губернатора.

– У нас еще не кончено дело с хождением в церковь. Вы знаете, с чем это сопряжено, – отвечаю я.

– Мне кажется, ваши опасения напрасны. Даже мысли о побеге не может быть у их величеств... – Боткин всегда величал так бывшую царицу.

– Меньше всего я этого опасаюсь, – возражаю я. – Есть много других причин, да и права на это мне не дано.

– Тогда я сам буду ходатайствовать пред Временным правительством.

– Я не протестую. Хлопочите.

Через несколько дней меня просит к себе бывший царь. Являюсь. Он извиняется за беспокойство:

– Я хотел бы просить вас разрешить осмотреть город. Чего вы боитесь за нас?

– Я не имею на это разрешения от Временного правительства. Кроме того, есть и другие причины...

– Когда же оно будет? Нам интересно посмотреть город, церкви. Город старинный, исторический.

Вы здесь были, кажется? спросил я.

– Проездом... Несколько часов, – как-то неохотно ответил бывший царь.

Лично я ничего не имел против удовлетворения просьбы бывшего царя посмотреть город, но, во-первых, инструкция, данная мне Временным правительством, а во-вторых, складывающиеся условия – а это было самое главное препятствие – всего более отнимали эту возможность. Что-то грозное надвигалось на Россию после истории с генералом Корниловым. Русская революция вступала в новую фазу...

Окружающая атмосфера

По инструкции Временного правительства вся корреспонденция бывшего царя, его семьи и свиты должна была проходить через меня. Признаюсь – обязанность весьма неприятная и даже противная. Дело в том, что российские «патриоты» полагали, очевидно, что все их письма, адресованные на имя членов бывшей царской семьи, как бы похабно ни было их содержание, непременно попадут адресатам. Никогда в жизни не приходилось мне читать такие отвратительные порнографические письма, как в это время. И вся эта мерзость адресовалась или на имя Александры Федоровны, или на имя Николая II. Некоторые письма с порнографическими грязными рисунками, грубыми до безобразия, я сдал полковнику Кобылинскому. Я сказал, что письма – российских «патриотов», ибо я глубоко уверен, что многие из авторов этих писем до переворота, когда Николай II был еще всемогущ, готовы были пресмыкаться перед ним и его семьей, а теперь сочиняют такие отвратительные анонимные письма, думая, что это очень хорошо и остроумно. Было много писем, заклеенных в революционных красных конвертах с революционным девизом «Да здравствует русская революция». Все письма – а их часто было очень много – приходилось тщательно просматривать и бросать в печку, немало получалось и писем угрожающего характера. Даже в Америке нашлись такие писатели, и оттуда приходили письма на английском языке на имя дочерей бывшего царя с предложениями... Иногда такого рода писем получалось так много, что целое утро тратилось на эту мерзость.

Сам же Николай II и его семья переписывались с очень немногими из своих родственников. Бывший царь писал только своей матери и сестре Ксении Александровне. Дети вели более обширную переписку, и, по-видимому, она доставляла им большое удовольствие, так как каждый раз, когда я приходил в дом, где помещалась семья Николая, почти всегда встречал кого-нибудь из княжон с вопросом нет ли писем. Любопытно отметить, что Александра Федоровна и ее дети никогда не писали Марии Федоровне. Благодаря известным отношениям между нею и Александрой Федоровной даже у детей установились какие-то холодные отношения к бабушке.

Кроме русских газет, Николай II получал английские и французские газеты и журналы. Кто-то, очевидно, зная вкус бывшего царя, присылал ему довольно веселые журналчики. Николай Александрович любил читать эти журналчики. В передаче газет, журналов никаких препятствий не чинилось, хотя это удовольствие иногда приносило и огорчение: в газетах иногда сообщали слухи, которые сильно тревожили семью бывшего царя.

– Скажите, пожалуйста, господин комиссар, зачем в газетах пишут о нас неправду? – однажды спросила меня одна из княжон.

Семья Романовых в Тобольске. 1917–1918 гг.

– Какую?

– О побеге... Ведь это неправда. Вы читали, конечно.

– Так привыкли исстари некоторые из наших газет... Хотят побольше заработать денег, – ответил я.

Действительно, «Новое Время» и какая-то другая газета напечатали ложь о побеге Николая II, и мне пришлось послать срочную телеграмму с опровержением. Но пока это опровержение ходило, а иногда и не печаталось даже в газетах, пущенная утка облетела уже всю Россию и даже фронт, будоражила население. Мне делались даже запросы и угрозы. Пускались слухи о распущенности отряда, охраняющего бывшего царя, – словом, создавались тревога и озлобление.

Тобольский Совдеп под председательством врача Варнакова попросил меня как-нибудь зайти к ним в Совдеп «по очень важному делу».

В ближайший день захожу.

– В чем дело? – спрашиваю я.

Присутствующие как-то мнутя, точно подыскивают, с чего начать. После некоторого молчания первым заговорил Варнаков.

– Насколько нам удалось ознакомиться с отрядом, он мало сознательный...

– Это значит ненадежный, – вмешались Писаревская и Киселевич. – Из Омска можно выписать надежных людей, рабочих, вполне сознательных...

– Омск пришлет настоящих. Ваш отряд... – снова заговорила было Писаревская. Я не дал ей договорить и заявил, что всякая попытка к смене отряда кем-либо раз навсегда должна быть оставлена.

– Если же об этом я сообщу отряду, то последствия будут очень неприятные для вас... Я не допущу вмешательства, пока я здесь. Прошу больше меня не беспокоить подобными разговорами. Я бы желал, чтобы всюду сохранилась такая дисциплина и сознание, как в нашем отряде, – закончил я и ушел.

С этого времени отношение ко мне у Тобольского Совдепа сложилось почти враждебное.

Я должен констатировать, что отряд первого состава представлял собой воинскую часть, вполне сохранившую дисциплину, и резко выделялся среди солдат местного гарнизона своей опрятностью, трезвостью и умением себя держать. В то время, когда солдаты местного гарнизона частенько встречались пьяненькие, грязные, невообразимо одетые, наши гвардейцы одевались чисто, вели себя хорошо и быстро стали покорять сердца местных обывательниц и прислуги. На этой почве уже возникали ненависть, вражда и ревность солдат местного гарнизона к нашим гвардейцам. Если дело до столкновений не доходило, то только потому, что местные солдаты боялись наших гвардейцев.

Образование и развитие детей бывшего царя

Приближалась зима. Николай II и Александра Федоровна находили, что образование Марии, Анастасии и Алексея еще не закончено, необходимо его продолжать. Вскоре начались уроки русского языка, истории, географии, арифметики и пр. Педагогический персонал состоял из графини Гендриковой, Шнейдер, доктора Боткина, француза Жильяра, англичанина Гиббса и самого Николая II, который преподавал детям историю. Встречаясь очень часто со всем этим составом педагогов и преподавательниц и наблюдая их, я поражался тем, как в такой семье, обладавшей всеми возможностями, не окружили детей лучшими преподавателями, которые могли бы дать детям настоящее образование и развитие. За исключением француза Жильяра и англичанина Гиббса, остальные представляли собой просто царедворцев – даже доктор Боткин и тот усвоил себе все качества царедворца, о графине Гендриковой и Шнейдер и говорить нечего.

Не раз мне приходилось убеждаться в этом. Насколько слабо обращалось внимание на развитие детей, можно судить по тому, с каким интересом, бывало, слушают они, когда рассказываешь им о самых обыкновенных вещах, как будто бы они ничего не видели, ничего не читали, ничего не слышали. Сначала я думал, что это простая застенчивость. Но вскоре пришлось убедиться, что дело с развитием и образованием обстояло очень плохо.

Бывший царь как-то обратился ко мне с вопросом: можно ли будет пригласить еще одну учительницу?

Полковник Кобылинский и я решили предложить ему одну учительницу.

– Я должен посоветоваться с Александрой Федоровной, ответил мне бывший царь, поблагодарив за предложение. – Все вопросы о воспитании детей мы с Александрой Федоровной разрешаем вместе.

Я не возражал.

– Вы хорошо знаете эту учительницу? – спросил Николай Александрович.

– Лучше меня знает ее полковник Кобылинский, да и Александра Федоровна ее знает по царскосельскому лазарету и по царскосельской гимназии, где она была преподавательницей около восьми лет, – ответил я.

– Очень, очень вам благодарен. Я переговорю с Александрой Федоровной, она, вероятно, согласится. У нас действительно недостает преподавателей. Русскую историю я преподаю сам. Я люблю русскую историю.

– К несчастью, в наших школах история преподается односторонне, и большинство педагогов придерживается шаблона. Только самостоятельное чтение дает настоящее знакомство с историей.

– Да, да. Я люблю военную историю, – перебил меня Николай Александрович. – Военная история меня всегда интересовала...

Из дальнейшей беседы выяснилось, что бывший царь действительно знал русскую военную историю, но знание его вообще истории народа было очень слабо: он или забыл, или вообще плохо разбирался в периодах русской истории и их значении, все его рассуждения в этом отношении сводились к истории войн. Могла ли такая подготовка сделать его преподавателем истории даже для детей?

Через несколько дней новая учительница, Клавдия Михайловна Битнер, уже приступила к занятиям.

– Какова подготовка детей? – спросил я ее.

– Оставляет желать лучшего. Я совершенно не ожидала того, что нашла. Такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты. Они мало читали Пушкина, Лермонтова еще меньше, а о Некрасове и не слышали. О других я уже и не говорю. Алексей не

проходил еще именованных чисел, у него смутное представление о русской географии. Что это значит? Как с ними занимались? Была полная возможность обставить детей лучшими профессорами, учителями – и этого не было сделано.

– Что же их больше всего интересует и интересует ли что-либо; может быть, в них все убито дворцовой жизнью? – спросил я.

– Интересуются положительно всем. Они очень любят, когда им читаешь вслух. А вам, Василий Семенович, должна сказать комплимент: им очень нравятся ваши рассказы о ваших странствованиях.

– Ничего особенного я им не рассказывал.

– Тем не менее, они любят слушать ваши рассказы.

– Уже по этому можете судить об их развитии.

– Что вы им рассказывали о северном сиянии, о якутах, тунгусах? Спрашивали даже, нет ли у вас описаний из ваших путешествий.

– Вы прочитайте им вслух Некрасова «Русские женщины» и «Мороз, Красный нос», – предложил я Клавдии Михайловне.

– Любопытно, какое впечатление произведут на них эти поэмы. Я сама страшно люблю эти поэмы. Завтра же это сделаю.

На следующий день Клавдия Михайловна рассказывала, какое потрясающее впечатление произвели на всех детей поэмы Некрасова.

– Как это нам никогда не говорили, что у нас был такой чудный поэт? – говорили княжны.

– Все слушали, – рассказывала Клавдия Михайловна. – Даже бывший царь и Александра Федоровна приходили. Дети в восторге. Странно... Как мало заботились об их развитии, образовании.

– Не было времени заниматься собственными детьми, окружить их здоровой атмосферой и настоящими людьми, а не царедворцами, – говорил полковник Кобылинский. – Даже обыкновенная бедная интеллигентная семья лучше обставляла своих детей. В таком возрасте в этих семьях дети гораздо развитее и образованнее.

– Но что же вы скажете, Клавдия Михайловна, о ваших занятиях? Идут успешно?

– Алексей не без способностей, но привычку к усидчивой работе ему не привили. У него наблюдается какая-то порывистость, нервность в занятиях. Что же касается Марии и Анастасии, то метод, какой применялся в занятиях с ними, не в моем вкусе, – ответила Клавдия Михайловна. – По моим наблюдениям, забота об образовании и воспитании детей была присвоена Александрой Федоровной. Николай II почти не вмешивался. Но вмешательство Александры Федоровны не всегда удачно.

И Клавдия Михайловна рассказала случай, когда после одного их таких вмешательств, совершенно неуместных, она довела Алису до слез:

– Меня так расстроило поведение Александры Федоровны, что я заявила ей о своем намерении отказаться от занятий с княжнами и Алексеем.

– Вы, конечно, не осуществите своей угрозы, – сказал я. Повышенная нервность вполне понятна в ее положении. Какая среда их окружает... Вы, Клавдия Михайловна, уже успели к ней присмотреться...

– Да, окружающие... Приходится поражаться. Сегодня на уроке Алексей спрашивает меня: «Скажите, Клавдия Михайловна, почему нас все обманывают?» – «Как обманывают? Кто вас обманывает?» – переспрашиваю я Алексея. И вот что он рассказал мне:

«Вчера вечером Владимир Николаевич (доктор) велел мне принять ванну. После ужина я сижу и жду, когда меня позовут в ванну. Сидел, ждал... до поздней ночи, и вдруг мне говорят, что ванной пользоваться нельзя: она испорчена... А сегодня утром узнаю, что вчера в ванне купалась мадам Тутельберг...».

Я была смущена и возмущена таким поведением особы, которая поехала по сочувствию к пострадавшей семье, которая не раз заявляла о своей преданности, о своем желании смягчить участь пленниц, и вдруг – такая бесцеремонность! Хотелось мне сказать Алексею: ведь это ваши любимцы, ваши придворные, а не все, как вы сказали, но воздержалась и обещала сообщить вам, как комиссару. Вы, Василий Семенович, конечно, не оставите без внимания этого случая.

– Никоим образом; иначе ведь будут думать, что я поощряю подобные гадости, издевательства.

Немедленно отправляюсь в губернаторский дом, вызываю дворецкого и мадам Тутельберг и заявляю им, чтобы впредь этого отнюдь никогда не повторялось. Мадам Тутельберг пыталась оправдываться; можно с уверенностью сказать, что она никогда не позволила бы себе подобного поступка до февральского переворота. А теперь – почему же нет. Такова придворная тактика хамства и лакейства. Как сильно была заражена ими вся дворня. А бывшие владычины были уверены в бескорыстной и чистой преданности своих рабов.

Свитская заботливость

По положению все служащие и свита жили, получая жалованье и питание за счет личных средств бывшего царя. Завтраки, обеды, ужины и чаепитие совершали они в том же губернаторском доме соответственно рангам. Доктор Боткин, граф Татищев, князь Долгоруков, графиня Гендрикова, Шнейдер, учителя, Жильяр, Гиббс обедали вместе с семьей бывшего царя (доктор Деревенко иногда обедал у себя дома). Остальные фрейлины в своей комнате, но стол имели почти такой же, как и семья Николая II. Что же касается остальных слуг, дворецкого, повара, горничных, камердинеров и т. д., то стол у них был значительно хуже и притом по рангам. Так, камердинеры Николая и Александры Федоровны питались лучше, чем все прочие, и, кроме того, им должны были прислуживать лакеи. С первых же дней пришлось лишить их этой привилегии. Любопытный обычай занесли они из дворцов в тобольское изгнание – каждый раз после обеда, завтрака и ужина прихватывать с собой узелки с провизией еще и домой. Несмотря на то, что все они питались вдоволь, каждый из них непременно уходил домой с набитым узелочком.

А повара и дворецкий обязательно делали такие большие закупки на базаре, что не только хватало всего к столу, но еще оставалось и для узелков. Тобольяне стали жаловаться на непомерную скупку продуктов обитателями губернаторского дома. Переговорив с полковником Кобылинским и выяснив, как обстоит дело с питанием – оно оказалось обильным, – я объявил служащим, что впредь воспрещается закупка продуктов с таким избытком, а главное – воспрещается уносить этот избыток за ограду губернаторского дома. Некоторые из служащих пытались было опровергнуть такое распоряжение традициями прежних времен и необходимостью прокармливать свои семьи.

– Ведь все вы кушаете досыта три раза в день. Пожаловаться на плохое питание не можете, – заявляю им.

– Какие жалобы? – соглашаются они.

– Тогда о чем же разговор?

– Жалованье маловато.

– Ну, это нас уже не касается: об этом вы должны заявить Николаю Александровичу. Жалованье вам платится из личных средств Николая Александровича, а не от казны... Кроме того, я должен всем вам заявить, что обращение с посудой весьма небрежное: бьют ее слишком много. Надо быть бережливее на будущее время. За последнее время обращение с посудой было немилосердным. Били стаканы, тарелки, чашки – и взамен разбитой хорошей посуды появлялась дрянь.

Семья Романовых. 1913 г. Сидят (слева направо): Мария, Александра Федоровна, Николай II, Анастасия; спереди: цесаревич Алексей; стоят (слева направо): Ольга и Татьяна.

Все эти указания большинству служащих очень не понравились. Многие первое время очень дулись на меня. Но это недовольство быстро рассеялось. Причиной послужили два следующих обстоятельства: во-первых, я и Кобылинский перевели всех офицеров, в том числе, конечно, и себя, на простой стол. Вначале все мы питались так же, как и Николай II с семьей и свитой, как это было в Царском Селе. Другой случай был более суровый и неприятный для придворной челяди. Из Петрограда были посланы разные принадлежности внутренней обстановки дома, занимаемого царской семьей: ковры, драпри, занавеси и т. п. Все эти вещи были высокой ценности и оказались большим соблазном для некоторых. Как-то раз утром захожу и застаю в передней суматоху, суету и споры «верных» царских слуг.

– В чем дело? – спрашиваю споривших.

– Портьеры пропали. Вчера вечером были, а сегодня утром их не оказалось... Целое утро ищем, не можем найти, – отвечает камердинер Николая II.

– Портьеры должны быть найдены немедленно. Вам было заявлено раз навсегда, чтобы отсюда ни одна вещь не выносилась без ведома дежурного офицера, – категорически говорю находившимся в передней служащим. – Если пропавшие вещи не будут найдены, то завтра совсем удалю некоторых... То у вас посуда бьется, то белье пропадает... Что это такое! Повторяю – портьеры должны быть сегодня же найдены, – и ухожу.

Через какие-нибудь полчаса или минут сорок один из служащих сообщает мне, что портьеры найдены. Прохожу на задний двор, где находится садик и огород. Там и тут бродят куры и утки. Александра Федоровна одиноко ходит по засоренным дорожкам. Подхожу к ней и здороваюсь, спрашиваю о здоровье.

– Здравствуйте, господин комиссар, – отвечает она. – Благодарю вас, здорова. Иногда болят зубы. Нельзя ли вызвать нашего зубного врача из Ялты?

– Он уже вызван. Временное правительство разрешило ему приехать сюда.

Бывшая царица опять благодарит.

– Вы любите огородничать, заниматься цветоводством? – спрашиваю ее, ибо она очень много времени проводила в этом запущенном огороде-садике.

– Мне нравится здесь... Куры, утки ходят... Какие красивые куры, совсем ручные. Погода здесь хорошая... Мы не думали... Мы думали, что здесь холодно... очень холодно.

Каждую фразу Александра Федоровна произносила с трудом, с немецким акцентом, словом – как иностранка, выучившаяся русскому языку по книгам, а не практически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.